

ЕВРОПЕЙСКОЕ И РУССКОЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Федор Александрович Гайда

Доктор исторических наук,
доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.
E-mail: fyodorgayda@gmail.com

EUROPEAN AND SPECIAL FEATURES IN RUSSIAN LIBERALISM OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Fyodor Gayda

Habilitated PhD, Assistant professor,
History Department of Lomonosov Moscow State University.
E-mail: fyodorgayda@gmail.com

В статье рассматриваются основные черты политической программы и практики русских либералов начала XX в. Автор разделяет и сравнивает представителей радикального («освободительного») и умеренного («охранительного») либерализма. Русские радикальные либералы, входящие в кадетскую партию, выступали за реализацию в России либерального европейского «проекта будущего». Кадеты могут быть названы идейными предшественниками послевоенного европейского «социального либерализма». При этом, борясь за собственные идеалы, кадеты с большим недоверием относились к практике политических компромиссов. Кадеты не считали себя буржуазной партией и в действительности таковой не являлись. Наоборот, конституционные демократы пытались сохранять отношения с социалистами, рассматривая их как «младших» союзников в борьбе с правительством. Радикальные либералы были принципиальными противниками государственного насилия и в 1917 г. поддержали слом полицейско-административного аппарата. Основатель более умеренной, октябристской партии Д. Н. Шипов не может быть охарактеризован как либерал: основой его мировоззрения выступало толстовство. После смены лидера на А. И. Гучкова октябристы придерживались либерально-консервативной линии и союза с правительством П. А. Столыпина. Разрыв с властью привел октябристов к распаду, а остатки партии — к союзу с кадетами. Таким образом, по своей программе русские радикальные либералы были значительно левее современных им европейских либералов; русских умеренных либералов в европейской системе координат можно было бы условно считать консерваторами. Политическая практика русских либера-

лов отличалась от европейских аналогов идеализмом, бескомпромиссностью, апрагматизмом — такими качествами, которые традиционно воспринимаются как «специфически русские».

The article discusses the main features of the political program and practice of Russian liberals of the early twentieth century. The author divides and compares representatives of radical and moderate liberalism. Radical liberals (Cadet Party) supported the implementation of the liberal European “project of the future” in Russia. Cadets can be called the ideological predecessors of post-war European “social liberalism.” At the same time, while fighting for their own ideals, the Cadets rejected political compromises. The Cadets did not consider themselves a bourgeois party. On the contrary, the constitutional democrats tried to maintain relations with the socialists, regarding them as “junior” allies in the struggle against the government. Radical liberals were principled opponents of state violence and supported the demise of the police and administrative apparatus in 1917. The founder of the more moderate, Octobrist party, D. N. Shipov could not be described as a liberal: Tolstoyism was the basis of his outlook. After changing their leader to A.I. Guchkov’s Octobrists maintained a liberal-conservative line and an alliance with the government of P.A. Stolypin. A rupture with the authorities led the Octobrists to disintegration and alliance with the Cadets. Thus, according to their program, the Russian radical liberals were much more to the left than the modern European liberals; Russian “moderate liberals” could be conventionally considered conservatives. The political practice of Russian liberals differed from their European counterparts in idealism, uncompromising, aпрагматизм — such qualities that are traditionally perceived as “specifically Russian”.

Ключевые слова: российское либеральное движение, кадеты, октябристы, Февральская революция 1917 г.

Keywords: Russian liberal movement, the Cadets, the Octobrists, the February Revolution of 1917.

Русская жизнь неизменно ставила вопрос об органичности либеральных принципов в России. Какой социальный слой смог бы стать их опорой и транслятором? Кто мог бы взять на вооружение либеральные идеи — власть или оппозиция? Во имя реформ или революции? Не секрет, что в XIX столетии за словом «либерал» в России закрепилось то значение, которое для Запада осталось совсем не типичным: мягкий, лавирующий, уговаривающий. Для власти «либералы» были несерьезным противником, для революционеров — значимым союзником. В массовом сознании вплоть до девяностых

годов XX в. «либерализм» никак не ассоциировался с жизненной практикой, с конкретными действиями. Позднее жизнь принесла иное понимание. Однако и после этого «либерализму» слишком часто отказывают в праве быть отечественным, рассматривая его как инородное растение — то декоративное и тепличное, то ядовитое и паразитическое. Справедливо ли?

В сравнении с Западной Европой русский либерализм — явление позднее. Разумеется, речь не о том, кого в России именовали «либералами», — в этом смысле мода проходила достаточно быстро. Дело в либеральных принципах и их носителях. Либеральная политическая идеология на Западе оформляется уже в начале XIX в. (основатель либеральной политической идеологии — Б. Констан). Для нее свойственны представления о бесконечном и неограниченном общественном прогрессе, в ходе которого постепенно расширяются рамки человеческой свободы. Этот процесс обеспечивается законностью, терпимостью, уважением к частной собственности. Подобные принципы находили отклик в широких буржуазных слоях и в душе растущего среднего класса.

В России и государство, и основная масса населения были заведомо консервативнее. При этом в ходе осуществления реформ власть могла прибегать к тем или иным либеральным принципам. «Правительство все еще единственный европеец в России», — писал П. Я. Чаадаеву А. С. Пушкин (Пушкин, 1982: 468). Однако подобная практика связана с вполне определенной целью — укреплением эффективности работы государственной машины, будь то кодификация, развитие образования, судопроизводства или местного самоуправления. Вполне очевидно, что такая цель не может быть названа либеральной в собственном смысле. Тем не менее именно эти усилия создавали почву для развития либеральной идеологии. Важно, что главным гарантом оптимального хода процесса оказывалась именно Империя. Революционная оппозиция, боровшаяся с самодержавием, неизменно брала на вооружение теории, по своему характеру более радикальные, — социалистическую либо анархическую.

Выступавшие за реформы, но настроенные (хотя бы в теории) на сотрудничество с властью представители общественности придерживались различного рода либерально-консервативных идей. Либерал Т. Н. Грановский пользовался поддержкой министра народного просвещения графа С. С. Уварова (Шевченко, 2003: 206–210) и два десятка лет читал лекции в николаевском Московском университете. Либерал А. С. Хомяков, видя в Британии, ее парламенте и консервативном королевском правительстве свой политический идеал, искренне сетовал на постепенное полевение английских «тори» (Хомяков, 1861: 138–139). В эпоху Великих реформ Александра II вид-

ный либеральный мыслитель Б. Н. Чичерин сформулировал разницу между либерализмом «освободительным» и «охранительным» (Чичерин, 1998: 452). Если первый и был классическим вариантом европейского либерализма, то второй, по сути, становился модификацией консервативного мировоззрения в условиях быстро развивавшейся страны. «Охранительный либерализм» предполагал творческое развитие «органических начал», высвобождения каждой отдельной личности и создания условий для ее самостоятельного существования и активной деятельности. Основной ценностью выступала «нравственная личность». Ученый и публицист А. Д. Градовский отмечал: «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа — *perfice te!* (совершенствуй себя)» (Градовский, 2001: 412).

Одним из первых представителей «освободительного либерализма» стал И. И. Петрункевич, который уже на рубеже 1870–1880-х гг. предполагал необходимость превращения России в парламентскую демократию на основе всеобщего избирательного права. Смена политического строя, по мнению политика, возможна при объединении усилий недавно созданного земского самоуправления и социалистической оппозиции. Петрункевич не призывал к революционному террору, но и не осуждал его, полагая, что усилия левых будут способствовать борьбе за конституцию (Петрункевич, 1993: 96–112). Усилия радикального земца не увенчались успехом, его идеи мало кто разделял, не поддержали его и социалисты. Однако именно Петрункевич впоследствии стал признанным моральным лидером кадетской партии.

Условия для роста популярности «освободительного либерализма» возникли в конце XIX в. как следствие политики Александра III, предполагавшей усиленное развитие промышленности вкупе с консервированием социального и государственного строя. Член кадетского ЦК А. В. Тыркова вспоминала: «Власть подводила под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство. Правительство боялось людей с инициативой, рассчитывало справиться со всеми государственными задачами при помощи чиновников» (Тыркова-Вильямс, 1998: 142). Государство свернуло диалог с образованной общественностью, ряды которой тем не менее быстро росли. Отстраненность от участия в политическом процессе, вытеснение любой серьезной дискуссии за рамки легальности провоцировали не только рост недовольства, но и интерес к утопическим проектам переустройства страны. Убыстряющееся экономическое развитие лишь усиливало представления о возможности коренных перемен в ближайшем будущем. Тыркова отмечала: «Оба лагеря, правительственный и оппозиционный, были одурманены, ослеплены предвзятыми идеями и предрассудками. Слепоте правительства

отвечала слепота оппозиции. Самодержавие не понимало общественного стремления к реформам. Левые не понимали психологии самодержавия, его государственной жизненной сущности, его исторических заслуг» (Тыркова-Вильямс, 1998: 243).

Именно в это время возник феномен «нерукопожатности», а государственная деятельность стала восприниматься как аморальная и невозможная для честного человека. Как вспоминал кадет князь В. А. Оболенский, его сверстники не шли в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственных структурах. Мемуарист отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Молодой человек мог идти в науку и преподавание, литературу, искусство или «общественную деятельность», но непременно оппозиционную или революционную. В результате новое поколение, по собственному признанию, росло с редким «государственным простодушием» (Оболенский, 1988: 102). Но будущее, в отличие от постылого настоящего, представлялось свободным от любого государственного насилия. Будущий известный экономист М. И. Туган-Барановский говорил Тырковой: «Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов» (Тыркова-Вильямс, 1998: 233).

Войдя в стадию политической зрелости, сторонники «освободительного либерализма» не рассматривали возможности стратегического сотрудничества с правительством. Конституционные демократы неизменно отказывались входить в какой-либо коалиционный кабинет с бюрократами. Сразу после издания манифеста 17 октября 1905 г. и создания кадетской партии состоялась встреча премьер-министра графа С. Ю. Витте с представителями радикальных либералов Ф. Ф. Кокошкиным, Ф. А. Головиным и Львовым. Витте попытался добиться вхождения членов партии в состав его кабинета, но в ответ получил лишь требование созыва парламента для выработки конституции. После открытия Думы Витте, по мнению кадетов, должен был уйти. По сути, оппозиционеры потребовали политической капитуляции своего традиционного противника (Милюков, 1991: 216–225). Подобные настроения подкреплялись искренней верой в собственную политическую зрелость. На партийном форуме Тыркова прямо заявляла: «Без кадетской партии

наша страна была бы похожа на Турцию» (Шелохаев, 2000а: 287). При этом партия рассматривала себя основным выразителем интересов страны — не отдельных групп или классов, как иные партии, а именно страны в целом. Кадеты видели себя провозвестниками неизбежного будущего, которое рано или поздно наступит и уже воплощается в жизни передовых западных стран.

Партийная программа кадетов была не практическим руководством к действию, а сводом идеальных принципов, в высокой степени декларативных и пропагандистских. Конституционные демократы выступали сторонниками парламентарного строя, при котором парламент становился центром всей политической и государственной жизни. Выборы предполагались на основе принципа «четырёххвостки» — всеобщими, равными, прямыми и тайными. Когда кадетская партия принимала программу, подобные принципы в полном масштабе на общенациональном уровне не были реализованы ни в одной стране мира: первой их провозгласила Норвегия в 1913 г., второй — Дания в 1915 г. (исключая колонии: Гренландию и Фареры), третьей стала Россия в 1917 г. То, что в России три четверти потенциальных избирателей были неграмотными, не считалось серьезным препятствием. Кроме того, партия выступала за однопалатный парламент, против создания второй палаты — наследственной или назначаемой монархом. Также кадеты не были принципиальными сторонниками сохранения монархии. Партийное большинство полагало: «монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет» (Маклаков, 1936: 521).

«Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия*... В своей собственной среде конституционно-демократическая партия *революционной идеологии* не исключала [выделено мною. — Ф. Г.]», — вспоминал В. А. Маклаков (Маклаков, 1936: 483). Анализируя события 1905 г., П. Н. Милюков делал вывод: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию “непрерывной”, потому что полагаем, что непрерывная революция — революция во что бы то ни стало — служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства» (Милюков, 1907: 165, 168). Тем не менее по отношению к социалистам Милюков употреблял понятие «друзья слева» (Гайда, 2003: 307), а кадетская партия никогда официально не осудила революционного терроризма. VII съезд партии в марте 1917 г. единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики» (Шелохаев, 2000а: 372). Основной докладчик, Кокош-

кин, отмечал: «Мы <...> стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почве того мировоззрения, которое полагает, что человечество постепенно вырастает в новый социальный строй» (Шелохаев, 2000а: 369).

Экономическая программа кадетов была нетипична для классического европейского либерализма. В ней отсутствовал принцип неприкосновенности частной собственности, но провозглашалась необходимость введения восьмичасового рабочего дня. Кадетскую партию нельзя назвать буржуазной. Отношения с буржуазными кругами традиционно были натянутыми, причем эта проблема не была преодолена даже в условиях большевистской угрозы осенью 1917 г. (Селезнев, 2006: 163–168). Таким образом, уже с момента возникновения кадетская партия стала органичной частью русского «освободительного движения», пусть и наиболее «правой». Даже оба официальных названия — Конституционно-демократическая партия и Партия Народной Свободы — напоминали избирателю о социал-демократии и знаменитой «Народной воле».

Партия состояла из представителей интеллигенции. Ее лидером стал Милюков: он обладал острым, но догматическим умом и свято верил в непреложные законы развития человечества, против которых бессильны хаотические усилия отдельных индивидов (Макушин, Трибунский, 2001: 32, 327–330). Милюков разрабатывал тактику партии исходя из тех примеров, которые он черпал из европейского и отчасти российского исторического опыта. Стратегической задачей историка-политика стало сокрушить «старый порядок» с минимальными издержками, поскольку масштабные революционные эксцессы чреваты последующим разгулом реакции. Борьба за освобождение России велась «по-научному» (Гайда, 2010: 37–44).

Основными средствами борьбы для кадетов были печать и парламентская трибуна. Законодательные инициативы отличались декларативностью. При этом их было немного: когда в марте 1917 г. кадеты стали правящей партией, неожиданно выяснилось, что у них почти нет проработанных законопроектов. Летом 1915 г. кадетам удалось возглавить парламентское большинство — Прогрессивный блок. Его декларация включала требования создания «министерства доверия» (правительства общественного доверия), а также отставок непопулярных высокопоставленных чиновников, политической амнистии, отмены национальных и религиозных стеснений, проведения ряда реформ. При этом блок вплоть до февраля 1917 г. так и не смог создать единого списка кандидатов на министерские посты, что могло бы стать реальной, практической основой для переговоров с властью (Гайда, 2003: 124–128, 221–227).

После победы Февральской революции принципы государственного управления, по мнению кадетов, должны были радикально измениться. В декларации Временного правительства отмечалось: «В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе» (Вестник Временного правительства, 26 апреля 1917 г.). В период Апрельского кризиса Тыркова пыталась напомнить Милюкову, что «у всякой власти существуют классические методы властвования»; на что он «вспыхнул и ответил ей: «лучше я потеряю власть, но таких методов применять не буду» (Борман, 1964: 128). Ликвидировалась административная вертикаль, упраздняясь полиция. Бывшим полицейским чинам был закрыт доступ в ряды добровольной народной милиции, которая подчинялась не правительству, а органам местного самоуправления. Местная власть передавалась в руки самого общества, объединенного, как отмечалось в кадетском воззвании, «узами любви и всеобщего братства» (Степанский, Миллер, 1996: 277).

Экономическая политика Временного правительства сочетала идеи государственного регулирования и общественного контроля. Обе тенденции имели скорее социалистический характер. Министр земледелия кадет А. И. Шингарев ввел государственную хлебную монополию и инициировал закон, по которому все земли сельскохозяйственного назначения передавались под контроль общественных земельных комитетов. Вступивший в 1917 г. в кадетскую партию министр торговли и промышленности А. И. Коновалов (крупный промышленник) согласился с введением восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял соответствующее решение в отношении казенных (в том числе военных) заводов. Сменивший его управляющий Министерством торговли и промышленности кадет В. А. Степанов создал Главный экономический комитет — орган верховного регулирования экономики. Став министром финансов, Шингарев добился законов о прогрессивном налоге и налоге на сверхприбыль. Министр путей сообщения кадет Н. В. Некрасов ввел профсоюзный контроль над железными дорогами. На кадетском партийном съезде Некрасов заявил: «Основной вопрос заключается сейчас в том, чтобы идею революции, торжества демократии, идею народовластия провести возможно скорее во всех возможных ее формах» (Шелухаев, 2000а: 473). На практике ни одна из этих мер не оказалась эффективной: в обстоятельствах безвластия они скорее провоцировали дальнейшую децентрализацию, анархию и конфликтность. Экономическая политика Временного правительства была подвергнута резкой критике на Первом Всероссийском съезде представителей промышленности и торговли

(март 1917 г.), однако к изменению правительственного курса это не привело (Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд, 1918: 167–168, 230–231).

Российская умеренно-либеральная традиция в начале XX в. выразилась в действиях и программе октябристской партии. У истоков «Союза 17 октября» стоял известный московский земский деятель Дмитрий Николаевич Шипов. Он явил собой ярко выраженный тип политика-идеалиста, для которого принципы оказались слишком дороги, чтобы отказаться от них ради политических компромиссов. Уже в юности он оказался под сильным впечатлением от учения Л. Н. Толстого — пожалуй, наиболее ярко выраженной антитезы идеологии Александра III. Но зачастую Шипов стремился быть толстовцем даже более Толстого. В самой личности Льва Николаевича не устраивало Шипова то, что отрицание насилия и проповедь мира велась излишне агрессивно. В отношении статьи Толстого «Одумайтесь», опубликованной в разгар Русско-японской войны, Шипов замечал: «Таковыми приемами он отталкивает от своей проповеди людей и задерживает проведение в общественное сознание тех идей, в усвоении существа которых заключается залог осуществления правды и добра. Ведь можно встретить гораздо больше сочувствия проповеди, обличающей преступность войн, не глумясь над царем, над дипломатами, над войском, над сестрами милосердия, над свойственными людям при настоящих условиях чувствами патриотизма и т.д.». Далее следовал весьма показательный вывод: «С этой точки зрения эта последняя статья особенно недостойна Толстого и принесет во всех отношениях массу вреда, я же ее поскорее уничтожил и постараюсь ее забыть» (Шелохаев, 2010: 249).

Будучи крупным землевладельцем, Шипов считал частную собственность на землю злом. Однако и в социализме его не устраивала идея насилия. Нравственная идея полагалась основой и причиной всего мироустройства и прогресса человеческого общества. Она же являлась сутью государственного начала; власти и закону Шипов никакого самостоятельного значения не придавал. Он выступал против бюрократического диктата, но не поддерживал идеи ограничения самодержавия: монарх должен выступать как любящий отец, а не господин своих подданных. Подданные, в свою очередь, не нуждаются в ограничении самодержавия. Воплощением нравственного долга для Шипова был также земский собор допетровского времени, в согласии с которым цари принимали важнейшие решения. Подобная политическая соборность мылилась как образец снятия политических конфликтов. При этом законосовещательное представительство должно иметь авторитет в глазах всей страны, а потому не может быть построено на основе одного демократического принципа, при котором разные группы населения представлены

пропорционально: элиты не должны численно растворяться в массе простого народа, собор должен состоять из «лучших людей». Оппоненты Шипова обнаружили в таких политических представлениях славянофильскую суть, хотя влияние В. С. Соловьева (на которого Шипов в этом вопросе ссылался) было не меньшим, чем А. С. Хомякова (Шелохаев, 2010: 26).

Шипов также полагал, что развитие Запада связано с эгоистическим началом и потому неприемлемо. Именно поэтому общественного деятеля нередко считали «славянофилом», хотя сам он это отрицал. Не принимая революционного насилия, Шипов изначально надеялся, что Россия сможет его избежать. В частном письме он признавался: «Та нравственная идея, которая живет в душе и сердце русского народа, явится истолковательницей общемирового смысла жизни. Великий гений Толстого из общения с народом понял эту идею и явился ее выразителем и возвестителем. <...> В будущем она, я уверен, поможет России выработать общественный и государственный строй, более отвечающий благу общему, чем жизнь Западной Европы с ее капитализмом и борьбой личных и классовых интересов. <...> Этот переворот совершится в России без кровопролития и насилия, как это было в Европе» (Шелохаев, 2010: 221).

После избрания в 1893 г. председателем Московской губернской земской управы Шипов, получивший вскоре придворное звание камергера, выступил организатором всего земского движения. По его инициативе собирались нелегальные совещания председателей земских управ. В преддверии приближавшейся революции власть пошла на запоздалые уступки земцам, дав согласие на созыв общеземского съезда в ноябре 1904 г. Предполагалось заключить соглашение с «шиповцами». Однако на самом съезде верх взяли радикальные настроения. Большинство проголосовало за резолюцию, в которой говорилось о созыве законодательного парламента и всеобщем избирательном праве. Будучи более умеренным, Шипов потерял контроль над земским движением — оно перешло к будущим кадетам. После выхода манифеста 17 октября 1905 г., когда парламент был провозглашен монаршей волей, Шипов вынужденно перешел на парламентаристские позиции. По его инициативе была создана октябристская партия, выступавшая за сотрудничество с властью на реформистской платформе. Однако вступить в состав правительства Витте Шипов, как и его оппоненты-кадеты, не пожелал (Шипов, 1918: 258–290, 391–422).

Партийное большинство склонялось к более тесным отношениям с правительством. Основная масса октябристов состояла из помещиков и промышленников. Они были готовы на компромисс с таким правительством, которое смогло бы силой обуздать революцию и путем реформ предотвратить ее в будущем. В 1906 г. в партии произошел переворот: опираясь на настроения основной массы членов, контроль над партией установил Александр Ивано-

вич Гучков. Он поддержал программу нового премьер-министра Столыпина: введение военно-полевых судов против террористов и аграрную реформу. Шипов с несколькими соратниками покинул партийные ряды. Столыпин предполагал превращение октябристов в правящую партию, а кадетов — в основную оппозиционную. В период II Думы происходили закулисные переговоры премьер-министра с конституционными демократами: им предлагалась официальная регистрация в обмен на осуждение революционного терроризма. Кадеты не пошли на сделку, не желая рвать с социалистами, а Столыпин в конечном счете решился на третьеиюньский переворот (Милюков, 1991: 281). Избирательный закон был изменен, октябристы получили парламентское большинство, а кадеты оказались небольшой фракцией на левом думском фланге.

Гучков одобрял переворот исходя из прагматичных и либеральных соображений: «Акт 3-го июня был спасением для Г<осударственной> Думы. <...> Только благодаря этой реформе избирательного закона представительный строй России пустил глубокие корни» (Шелохаев, 2000б: 82, 334). Впервые в истории российского парламентаризма именно октябристы смогли наладить плодотворный законодательный процесс. Однако партия претендовала на самостоятельность и видела Думу серьезным инструментом влияния на монарха и правительство. В первую очередь это касалось оборонной и церковной сфер, подвергавшихся серьезной критике, болезненно воспринятой при дворе. Однако Гучков демонстративно проявлял принципиальность: «Нас называют правительственной партией и упрекают в угодничестве. Но <...> работа в Гос. Думе — прямое опровержение этого упрека. <...> Не осталось ни одного темного уголка правительственной деятельности, который не был бы беспощадно и ярко освещен представителями нашей партии. И мы боролись не только с правительством: рядом с правительством и над ним мы указали на наличие вредных темных сил, очень влиятельных и безответственных» (Шелохаев, 2000б: 85). В конечном счете действия Гучкова привели его в начале 1911 г. к острому конфликту с Николаем II. Император и лидер думского большинства признали друг друга личными врагами (Гайда, 2016: 81–82).

После смерти Столыпина Гучков не смог установить прочных отношений с новым премьер-министром В. Н. Коковцовым. Партия перешла в оппозицию, но без правительственной поддержки провалилась на думских выборах 1912 г. Гучков не был избран московскими купцами, которые надеялись увидеть в нем лоббиста собственных интересов, но были разочарованы. В ответ октябристский лидер обвинил власть в реализации «грандиозного плана фальсификации выборов». Однако подобная активность нашла поддержку лишь у части партийцев. В 1913 г. и без того сократившаяся вдвое фракция раскололась на две части: гучковцев (левых октябристов) и умеренных (земцев-октябристов).

После этого партия как единая структура окончательно рассыпалась. Однако в амплу оппозиционного политика и «личного врага императора» сам Гучков серьезно преуспел. Летом 1915 г. он был избран председателем созданного Центрального военно-промышленного комитета. Военно-промышленные комитеты существовали на правительственные кредиты, выполняя посреднические функции между властью и частной промышленностью. Она получала военные заказы, однако успела выполнить их лишь на 6–7% (Маевский, 1957: 86–93). Ненамного успешнее оказался и Всероссийский земский союз, который с 1914 г. возглавлял Львов (и он разделял идеи Толстого, в 1905–1906 гг. состоял в кадетской партии, позднее был соратником Д. Н. Шипова).

Внутреннее устройство общественных организаций оставляло желать лучшего. Не зря соратник Львова Т. И. Полнер, отмечая среди талантов Георгия Евгеньевича способность «всячески поощрять свободную инициативу» и «умение внести мир и единение в среду своих многочисленных сотрудников», попутно замечал, что «организационные формы его не интересовали» (Полнер, 2001: 347). Казенные средства тратились широко и бесконтрольно. Председатель Самарской губернской земской управы А. Н. Наумов вспоминал о командировке в Москву по делам Земсоюза и встрече со Львовым: «Меня провели в председательский кабинет, куда вскоре же за мной не вошел, а скорее вбежал сам князь Георгий Евгеньевич Львов, имевший вид вконец замотанного человека. <...> Ежеминутно к нам врываются какие-то взъерошенные типы с разными бумажками и запросами... Бумажки эти Львов не глядя подписывал, а на устные вопросы лишь вплескивал руками и бросал своим истомленным голосом: — Делайте, что хотите!.. Ведь даны же вам общие указания!.. В дополнение всего в нашу комнату ввалилась многолюдная “делегация”, которая в самой бесцеремонной форме потребовала, чтобы несчастный Львов совместно с ними отправился куда-то по срочному для них делу. Еще раз передо мной извинившись, князь, беспомощно разведя руками, мне заявил: — Вы видите, как меня треплют! Дорогой Александр Николаевич! Я весь к вашим услугам, и распоряжайтесь от моего имени, как только вам для дела представляется нужным... Если вам необходимо, чтобы я немедленно преподал для вашего района те или другие инструктивные указания, не откажите сделать это сейчас же сами... Садитесь за мой стол... Напишите, что нужно, а телеграмму отправит мой курьер. Меня же простите — я вынужден вас покинуть... От души желаю вам всяческого успеха!.. — С этими словами князь, пожав мне наскоро руку, устремился к выходу. Я остановил его и поспешно спросил: — Кто же подпишет составленную мною для Самары телеграмму? — Возьмите да и поставьте сами под нею мою подпись! <...> Через секунду кабинет опустел. Оставшись в одиночестве, я не скоро

пришел в себя от его слов и вообще от всего поведения человека, стоявшего во главе огромной всероссийской организации...» (Наумов, 1954–1955: 263).

Сам князь Львов в ответ на критику заявлял в официальном (!) отчете Земсоюза: «Когда штурмом, на ура, берут крепость, нельзя озираться назад. Остановка на один миг может погубить все дело. Вот почему на полном ходу все развивающейся работы Всероссийский Земский Союз не может дать подробного отчета о своей деятельности» (Краткий очерк, 1916: 3). Все попытки власти поставить вопрос об отчетности и проверке расходования средств неизменно встречали ответные обвинения в политических репрессиях и инсинуациях «темных сил» (Гайда, 2003: 172–176, 206–207).

Тем не менее организации ставили перед собой и оппозиционные политические задачи. Кадет Маклаков вспоминал: «Общественность помогала войне <...> привлекая те силы, которых у правительства не было <...> но наряду с простым “патриотизмом” у нее было стремление воочию показать *преимущество* “общественной” работы над “бюрократической”. Вся работа союзов была поэтому работой и политикой. <...> В эпоху войны союзы жили тогда на *государственные* ассигнования, все их деньги шли от *правительства*», но «никто этого знать не хотел; комфорт и удобства земских санитарных отрядов и госпиталей сопоставлялся с бедностью казенной военной санитарии, которой приходилось обслуживать все, а не только то, что они *выбирали* [выделено автором. — Ф. Г.]» (Маклаков, 1936: 130–131). Знаменитый философ князь Е. Н. Трубецкой в частном письме описывал настроения общественности: «Все верят в победу и никто не верит правительству. <...> Вернется армия из окопов; и тогда мы доберемся до наших внутренних немцев (то есть до правительства)» (НИОР РГБ).

Однако борьба с «внутренними немцами» началась уже в период войны. В декабре 1916 г. на съезде Земского союза Львов произнес: «Оставьте дальнейшие попытки наладить совместную работу с настоящей властью! Они обречены на неуспех, они только отдаляют нас от цели. Не предавайтесь иллюзиям! Отвернитесь от призраков! Власти нет...» (Шляпников, 1923: 109). В марте 1917 г. Львов уже стал премьером, а Гучков — военным министром. В течение полутора месяцев им была проведена колоссальная чистка военного руководства. По подозрению в монархических настроениях им было отправлено в отставку 60% высших офицеров действующей армии (в частности, восемь командующих фронтами и армиями, 35 из 68 командиров корпусов и 75 из 240 начальников дивизий) (Кавтарадзе, 1967: 113). Предполагалось, что обновленная республиканская армия будет более активно бить немца. Однако вскоре сам Гучков проникся пессимизмом по поводу боеспособности войск и в апреле 1917 г. добровольно подал в отставку (Гайда, 2003: 319–320). Летнее наступление Временного правительства закончилось ката-

строфой. Само оно официально отказалось от любых притязаний в отношении враждебных держав и уже в мае, не отказываясь от войны «до победного конца», выступило за грядущий «мир без аннексий и контрибуций» (Вестник Временного правительства, 6 мая 1917 г.).

Русские радикальные либералы, представители «освободительного либерализма», объединяемые в основном кадетской партией, выступали за реализацию в России либерального европейского проекта. Надо заметить, что в кадетском варианте этот проект в самой Западной Европе реализован еще не был и виделся лишь как перспектива, как идеальное будущее. В целом кадеты могут быть названы идейными предшественниками послевоенного европейского «социального либерализма». Однако этим их специфика отнюдь не исчерпывается. Российские радикальные либералы имели ярко выраженные особенности. Борясь за собственные идеалы, кадеты с большим недоверием относились к практике политических компромиссов. Компромисс выступал не символом прагматизма, а признаком бессилия или беспринципности. На компромиссы кадеты шли лишь в крайнем случае и из тактических соображений. Партия воспринимала себя как единственную в России «цивилизованную» силу, само сохранение партии как носительницы соответствующих ценностей было одной из ее стратегических задач. Кадеты воспринимали себя как «надклассовую» силу и не стремились опираться на сколько-нибудь определенные социальные слои. Кадеты не считали себя буржуазной партией и в действительности таковой не являлись. Наоборот, конституционные демократы пытались сохранять отношения с социалистами, рассматривая их как «младших» союзников в борьбе с правительством. Радикальные либералы были принципиальными противниками государственного насилия и в 1917 г. поддержали слом полицейско-административного аппарата. В кадетской партии состояли немногочисленные, хотя и широко известные в стране сторонники активной внешней политики и территориальной экспансии, однако в результате Февральской революции партия быстро пересмотрела эти взгляды.

Более умеренные позиции занимала октябристская партия. Однако ее основатель Д. Н. Шипов не может быть охарактеризован как либерал: основой его мировоззрения выступало толстовство. После смены лидера на А. И. Гучкова октябристы придерживались либерально-консервативной линии и союза с правительством П. А. Столыпина. Разрыв с властью привел октябристов к распаду, а остатки партии — к союзу с кадетами.

Таким образом, отвечая на вопрос о соотношении европейского и русского в отечественном либерализме начала XX в., можно констатировать следующее. По своей программе русские радикальные либералы были значительно левее современных им европейских либералов; русских умеренных либералов

в европейской системе координат можно условно считать консерваторами. Политическая практика русских либералов отличалась от европейских аналогов идеализмом, бескомпромиссностью, апрагматизмом — такими качествами, которые традиционно воспринимаются как «специфически русские».

Литература

- Борман А.* (1964). *А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына.* Лувэн; Вашингтон: Издание автора.
- «Вестник Временного правительства». СПб., 26 апреля 1917 г.
- «Вестник Временного правительства». СПб., 6 мая 1917 г.
- Гайда Ф. А.* (2003). *Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.).* М.: РОССПЭН.
- Гайда Ф. А.* (2010). П.Н. Милюков: историк в политике // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). Материалы Международного научного colloquium (Москва, 23–25 сентября 2009 г.). М.: Любавич. С. 37–44.
- Гайда Ф. А.* (2016). *Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917).* М.: Университет Дмитрия Пожарского.
- Градовский А. Д.* (2001). *Сочинения.* СПб.: Наука.
- Кавтарадзе А. Г.* (1967). *Июльское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал.* №5. С. 111–117.
- Краткий очерк деятельности Всероссийского Земского Союза.* М.: ВЗС, 1916.
- Львов Г. Е., кн.* (1998). *Воспоминания.* М.: Русский путь.
- Маевский И. В.* (1957). *Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны.* М.: Госполитиздат.
- Маклаков В. А.* (1936). *Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника).* Париж: Журнал «Иллюстрированная Россия».
- Макушин А. В., Трибунский П. А.* (2001). *Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904).* Рязань: НРИИД.
- Милюков П. Н.* (1907). *Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906.* СПб.: Типография товарищества «Общественная польза».
- Милюков П. Н.* (1991). *Воспоминания.* М.: Политиздат.
- Наумов А. Н.* (1954–1955). *Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917.* В 2 кн. Нью-Йорк: Издание А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой.
- Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 171. Папка 8. Ед. хр. 2 б. Л. 40 — 40 об.
- Оболенский В. А., кн.* (1988). *Моя жизнь, мои современники.* Париж: YMCA-Press.
- Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19–22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции.* М.: Типография товарищества Рябушинских, 1918.
- Петрункевич И. И.* (1993). *Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: В 22 т. Т. 21–22.* М.: ТЕРРА. С. 1–424.

- Полнер Т. И. (2001). Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова. Личность. Взгляды. Условия деятельности. М.: Русский путь.
- Пушкин А. С. (1982). Собрание сочинений: В 10 т. Т. 10. М.: Современник.
- Селезнев Ф. А. (2006). Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.
- Степанский А. Д., Миллер В. И. (1996). Февральская революция. 1917. Сборник документов и материалов. М.: РГГУ.
- Чичерин Б. Н. (1998). Философия права. СПб.: Наука.
- Шелохаев В. В. (ред.). (2000а). Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М.: РОССПЭН.
- Шелохаев В. В. (ред.). (2000б). Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. 1905–1915 гг. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН.
- Шелохаев С. В. (2010). Д. Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М.: РОССПЭН.
- Тыркова-Вильямс А. В. (1998). То, чего больше не будет. М.: Слово/SLOVO.
- Хомяков А. С. (1861). Полное собрание сочинений. Т. 1. СПб.: Университетская типография.
- Шевченко М. М. (2003). Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М.: Три квадрата.
- Шипов Д. Н. (1918). Воспоминания и думы о пережитом. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых.
- Шляпников А. Г. (1923). Канун семнадцатого года. Ч. 2. М.; Пг.: Госиздат.

References

- Borman A. (1964). A. V. Tyrkova-Vil'jams po ee pis'mam i vospominanijam syna, Luve`n; Washington: Izdanie avtora.
- Chicherin B. N. (1998). Filosofija prava. SPb.: Nauka.
- Gayda F. A. (2003). Liberal'naja opozicija na putjah k vlasti (1914 — vesna 1917 g.). Moskva: ROSSPJeN.
- Gayda F. A. (2010). P. N. Miljukov: istorik v politik. Mysljashhie miry rossijskogo liberalizma: Pavel Miljukov (1859–1943). Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma (Moskva, 23–25 sentjabrja 2009 g.). Moskva: Ljubavich. S. 37–44.
- Gayda F. A. (2016). Vlast' i obshhestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitija (1910–1917). Moskva: Universitet Dmitrija Pozharskogo.
- Gradovskij A. D. (2001). Sochinenija. SPb.: Nauka.
- Kavtaradze A. G. (1967). Ijul'skoe nastuplenie russkoj armii v 1917 godu. Voenno-istoricheskij zhurnal. №5. S. 111–117.
- Khomyakov A. S. (1861). Polnoe sobranie sochinenij. T. 1. SPb.: Universitetskaja tipografija.
- Kratkij ocherk dejatel'nosti Vserossijskogo Zemskogo Sojuza, Moskva: VZS, 1916.
- L'vov G. E., kn. (1998). Vospominanija. Moskva: Russkij put'.

- Maevskij I. V.* (1957). *Jekonomika ruskoj promyshlennosti v uslovijah Pervoj mirovoj vojny*, Moskva: Gospolitizdat.
- Maklakov V. A.* (1998). *Vlast' i obshhestvennost' na zakate staroj Rossii (vospominanija sovremennika)*, Parizh: Zhurnal «Illjustrirovannaja Rossija».
- Makushin A. V., Tribunskij P. A.* (2001). *Pavel Nikolaevich Miljukov: trudy i dni (1859–1904)*, Rjazan': NRIID.
- Miljukov P. N.* (1907). *God bor'by. Publicisticheskaja hronika. 1905–1906*. SPb.: Tipografija tovarishhestva «Obshhestvennaja pol'za».
- Miljukov P. N.* (1991). *Vospominanija*. Moskva: Politizdat.
- Nauchno-issledovatel'skij otdel rukopisej Rossijskoj Gosudarstvennoj biblioteki, NIOR RGB. Fund 171. Folder 8. Storage Unit 2 b. Sheet 40 — 40 turnover.
- Naumov A. N.* (1954–1955). *Iz uceleevshih vospominanij. 1868–1917*. V 2 kn. Kn. 2. N`yu-Jork: Izdanie A. K. Naumovoj i O. A. Kusevickoj.
- Obolenskij V. A., kn.* (1988). *Moja zhizn', moi sovremenniki*. Parizh: YMCA-Press.
- Pervyj Vserossijskij torgovo-promyshlennyj s#ezd v Moskve. 19–22 marta 1917 g.* Stenograficheskij otchet i rezoljucii, Moskva: Tipografija tovarishhestva Rjabushinskih, 1918.
- Petrunkевич I. I.* (1993). *Iz zapisok obshhestvennogo dejatel'ja. Arhiv ruskoj revoljucii*. V 22 t. T. 21–22. Moscow: TERRA. P. 1–424.
- Polner T. I.* (2001). *Zhiznennyj put' knjazja Georgija Evgen'evicha L'vova. Lichnost'. Vzglyady. Uslovija dejatel'nosti*. Moskva: Russkij put'.
- Pushkin A. S.* (1982). *Sobranie sochinenij: V 10 t. T. 10*. Moskva: Sovremennik.
- Seleznev F. A.* *Konstitucionnye demokraty i burzhuazija (1905–1917 gg.)*. Nizhnij Novgorod: Izdatel'stvo Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo.
- Shelohaev S. V.* (2010). *D. N. Shipov: lichnost' i obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost'*. Moscow: ROSSPJeN.
- Shelohaev V. V. (red.)* (2000a). *S#ezdy i konferencii konstitucionno-demokraticeskoy partii: V 3 t. T. 3. Kn. 1*. Moskva: ROSSPJeN.
- Shelohaev V. V. (red.)* (2000b). *Partija «Sojuz 17 oktjabrja». Protokoly s#ezdov, konferencij i zasedanij CK. 1905–1915 gg.* V 2 t. T. 2. Moskva: ROSSPJeN.
- Shevchenko M. M.* (2003). *Konec odnogo Velichija. Vlast', obrazovanie i pechatnoe slovo v Imperatorskoj Rossii na poroge Osvoboditel'nyh reform*. Moskva: Tri kvadrata.
- Shipov D. N.* (1918). *Vospominanija i dumy o perezhitom*. Moskva: Izdatel'stvo M. i S. Sabashnikovyh.
- Shljapnikov A. G.* (1923). *Kanun semnadcatogo goda, Ch. 2*. Moskva, Petrograd: Gosizdat, 1923.
- Stepanskij A. D., Miller V. I.* (1996). *Fevral'skaja revoljucija. 1917. Sbornik dokumentov i materialov*. Moskva: RGGU.
- Tyrkova-Vil'jams A. V.* (1998). *To, chego bol'she ne budet*. Moskva: Slovo/SLOVO.
- Vestnik Vremennogo pravitel'stva, 26 aprelja 1917 g.
- Vestnik Vremennogo pravitel'stva, 6 maja 1917 g.